

В отличие от серьезного отношения отца Лу к этому празднованию дня рождения, Лоу Синхуань из их разговоров понял, что у Лу Бинъюня, его младшего брата, репутация не самая лучшая, по крайней мере, в глазах Лоу Юэцяо и Гу Юньсы, и даже сам Лу Бинъюнь, казалось, не слишком его любил.

Однако он слышал от Чжишаня, что Лу Бинъюнь очень любит этого младшего брата. Если бы он его не любил, зачем бы тогда приходил на праздник? И зачем бы давал ему второе имя?

Насколько он знал, второе имя мог дать только уважаемый старший родственник.

На великолепном банкете собралось множество знатных гостей.

Все они были людьми проницательными, и, несмотря на появление Лоу Синхуаня, видя, что Лу Бинъюнь ведет себя как обычно, они понимали, что нельзя говорить о нем лишнего. Поэтому все последовали словам маркиза Шуньнина, поднимая бокалы с поздравлениями:

— Поздравляем с пятнадцатилетием сына вашего, господина Лу!

Когда гости и хозяева насладились общением, маркиз Шуньнин поднялся и сказал:

— Благодарю всех за присутствие.

Лу Мин подошел к нему.

Маркиз Шуньнин громко объявил:

— Это мой приемный сын, чай для усыновления я уже выпил. Позвольте представить его всем вам.

Собравшиеся, понимая ситуацию, произнесли:

— Поздравляем маркиза.

Кто-то спросил:

— Как зовут третьего сына Лу?

Отец Лу посмотрел на второго сына, Лу Мин все это время наблюдал за Лу Бинъюнем.

Под множеством взглядов Лу Бинъюнь медленно поднялся, взял у Чжишаня лист бумаги и передал его отцу.

— Спасибо, брат, — тихо сказал Лу Мин.

Отец Лу был доволен и приказал развернуть бумагу:

— Это подарок от старшего брата Аюня к дню рождения приемного брата.

На развернутом белоснежном листе бумаги были написаны два иероглифа: «Цинмин», с резкими линиями, словно текущими, как облака и вода.

— Отличные иероглифы!

Отец Лу подумал и также сказал:

Утреннее солнце над зелеными преградами,

Опьянение и аромат магнолий в гармонии.

Аюнь постарался.

Лицо Лу Мина почему-то побледнело, но, глядя на иероглифы, он кивнул и смущенно улыбнулся:

— Очень красиво, мне нравится имя, которое дал мне брат.

Лу Бинъюнь поднял руку и с улыбкой сказал:

— Это мой долг.

Лоу Синхуань положил кусочек рыбы в сладком кислом соусе в тарелку Лу Бинъюня:

— Папа.

Лу Бинъюнь, не желая заниматься светскими беседами, опустил голову и откусил кусочек рыбы.

Лоу Синхуань поднял взгляд, и его глаза встретились с глазами Лу Мина. Оба взгляда были тяжелыми и непонятными, но они быстро разошлись.

В семье Лу, начиная с поколения Лу Бинъюня, имена давали с использованием элементов воды и вина.

Хотя в имени Лу Мина не было элемента воды, иероглиф «мин», данный вторым сыном, означал, что за Лу Мином теперь стоит поддержка дома маркиза Шуньнина.

Однако, поскольку он был лишь приемным сыном или, возможно, внебрачным ребенком, чтобы подчеркнуть разницу, элемент воды не использовался.

Все это понимали, и гости подняли бокалы, поздравляя отца Лу и Лу Цинмина.

Лоу Синхуань подумал, что папа действительно любит своего младшего брата.

В его сердце возникло странное чувство, и он положил палочки, взглянув на Лу Бинъюня.

Лу Бинъюнь вдруг сказал:

— Я выйду на минутку, присмотрите за третьим сыном.

Лоу Синхуань заметил, что Лу Цинмин тоже исчез. Когда Лу Бинъюнь ушел, он огляделся и сказал слугам:

— Я прогуляюсь.

Как он и предполагал, он нашел их в безлюдном дворе.

Лу Цинмин был ниже Лу Бинъюня и, слегка приподнявшись на цыпочки, обнял его за шею, с видом нежности и обиды, что-то шепча.

Лу Бинъюнь повернулся и погладил его по голове, словно утешая.

Стоя на расстоянии, Лоу Синхуань видел только их близкую позу.

Он пнул камень у своих ног.

Чувство Лоу Синхуаня в этот момент было похоже на то, как если бы он выпил чашку горького лекарства.

Дети, которых любят старшие, часто испытывают чувство собственности, желая, чтобы их любили только их. Тем более для Лоу Синхуаня, который смотрел на Лу Бинъюня с восхищением.

Он начал испытывать что-то вроде ревности к этому приемному брату Лу Бинъюня.

В этот момент Лоу Синхуань с облегчением подумал, что хорошо, что папа женился на князе Цине.

Лу Бинъюнь и не догадывался, о чем думает его новопринятый сын.

Ему было не по себе, и он оттолкнул Лу Цинмина:

— Что ты хотел сказать?

Лу Цинмин сжал губы:

— Брат, я видел, как ты писал мое имя в кабинете.

— Тогда я вернусь в зал и исправлю.

Лу Бинъюнь уже собирался уйти, но Лу Цинмин быстро схватил его:

— Нет, это навредит тебе. К тому же, мне не кажется, что это плохо.

Лу Бинъюнь сложил руки на груди:

— Я раньше придумывал для тебя много имен, какое ты видел?

Лу Цинмин промолчал.

Лу Бинъюнь сказал:

— Это был иероглиф «цин» из «чистый источник», верно?

— Почему ты его изменил? — с обидой в голосе спросил Лу Цинмин, обнимая его.

В отличие от Лу Бинъюня, его глаза обычно были более острыми, вероятно, из-за его матери из царства Янь, и сейчас он выглядел действительно жалко.

Лу Бинъюнь ответил:

— Подумал, что не подходит, и изменил.

Лу Цинмин наконец получил желаемое, смягчился:

— Хорошо, мне все нравится.

Грудь Лу Бинъюня слегка вздрогнула, он погладил его по волосам, глядя на спокойное озеро:

— Когда вырастешь, сможешь сам изменить.

Лу Цинмин тихо засмеялся:

— Имя, которое ты дал, я не изменю.

На обратном пути Лоу Синхуань казался немного подавленным.

Лу Бинъюнь закрыл глаза, отдыхая, когда вдруг почувствовал тепло у своей руки — это ребенок подошел ближе.

Ребенок держал в руках изысканно украшенную коробку:

— Папа.

— Что это?

— Конфеты.

Лу Бинъюнь открыл коробку, и оттуда повеяло прохладным ароматом. Внутри лежали зеленые, как кристаллы льда, конфеты, покрытые белым сахаром.

— С мятой?

— Да, я слышал, что папа любит конфеты из Павильона Сладостей, и только что купил их.

Цена на конфеты была высокой, и в Чанпине они считались роскошью.

Лу Бинъюнь попробовал одну и нашел вкус приятным, освежающим, и в знак благодарности угостил ребенка:

— Вот почему я не мог тебя найти, когда вернулся.

Лоу Синхуань послушно съел конфету, и его настроение улучшилось. Он прижался к коленям Лу Бинъюня и тихо прошептал:

— Папа, как хорошо, что ты пришел в дом князя.

Лу Бинъюнь был женой князя Цина, и он был его номинальным сыном.

Никто не мог отнять Лу Бинъюня у него.

Месяц спустя.

Осенняя погода была ясной и прохладной, идеальной для прогулок.

На огромном поле за городом зеленые холмы переливались, а чистая вода журчала, время от времени слышались смех и радостные возгласы, создавая шумную атмосферу.

В центре поля был установлен павильон с сиденьями, занавески которого колыхались на ветру, слегка приоткрывая людей внутри. Три или четыре слуги стояли с опущенными головами, создавая контраст с внешней суетой.

Лу Бинъюнь лежал на широком диване, его черные волосы были полураспущены, как водопад, ниспадающий на подушки, а лицо напоминало розово-белую магнолию, излучая холодную и прозрачную красоту.

Лоу Синхуань приподнял занавеску, увидел эту сцену и на мгновение замер, затем остановил тех, кто был за ним, и вошел внутрь, опустившись на колени рядом.

Лу Бинъюнь даже не открыл глаз:

— Ты загораживаешь мне свет.

— Папа что-то смотрел?

— Я слушаю.

Лоу Синхуань промолчал.

Он немного подвинулся, убедившись, что свет не слишком яркий, и сказал:

— Папа в последние дни поздно ложился спать.

Лу Бинъюнь открыл глаза:

— Ты теперь еще и за мной следишь?

Он сел, потянулся, всем своим видом излучая лень.

— Не смею, — Лоу Синхуань подал ему чашку чая. — Попей чая.

Горло Лу Бинъюня действительно было немного сухим, он сделал глоток свежесваренного горячего чая и, прищурив глаза, спросил:

— Чай «Облачный туман»?

— Да, — Лоу Синхуань аккуратно поправил волосы, прилипшие к шее Лу Бинъюня, его красивое лицо было серьезным и сосредоточенным.

На щеках Лу Бинъюня появился легкий румянец после сна, смягчая холодность в его глазах, делая его очаровательным.

Выпив воды, он взбодрился и посмотрел наружу:

— Они уже закончили первый матч?

Едва он это сказал, снаружи раздались громкие аплодисменты и крики, а судья громко объявил:

— Черный флаг получает очко!

Лу Бинъюнь хлопнул в ладоши:

— Победа.

Гу Юньсы широким шагом вошел внутрь, вытирая пот платком, который ему подал слуга, его юношеское лицо сияло от радости:

— Сяо Юнь, ты проснулся!

Лу Бинъюнь упрямо защищался:

— Я все время наблюдал за вами.

Лоу Юэцяо последовал за ним, слегка запыхавшись, его серебряные нарукавники держали рукава, обнажая руки. Он взял воду, выпил несколько глотков, отдышался и сказал:

— Аюнь, хочешь присоединиться?

На половине поля для поло начался новый матч, все с нетерпением наблюдали. На другой половине поля молодые юноши собирались группами, играя в стрельбу из лука, шахматы и передавая цветок, наслаждаясь весельем.

Гу Юньсы сел, закинул ногу на ногу и сорвал виноградинку:

— Да ладно, посмотри на него, он стал еще ленивее, словно кости размякли.

Лу Бинъюнь спокойно ответил:

— Я избалован, вы ведь не первый день это знаете.

Лоу Синхуань встал и подошел к Лу Бинъюню, стоя позади него с видом почтительности и смирения.

<http://bllate.org/book/16424/1488513>